

На правах рукописи

ИВАННИКОВА Светлана Геннадиевна

**МОТИВ УМИЛЕНИЯ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ: Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Тамбов 2016

Диссертация выполнена в ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»

Научный руководитель –

доктор филологических наук, профессор,
Хворова Людмила Евгеньевна

Официальные оппоненты:

Борисова Наталия Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и историко-культурного наследия ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина» (г. Елец)

Цветова Наталья Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории речевой деятельности и массовой коммуникации ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург)

Ведущая организация –

ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет» (г. Петрозаводск)

Защита состоится 29 января 2016 г. в 12.30 на заседании диссертационного совета Д 212.261.03 при Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 181 «И», зал заседаний диссертационных советов (ауд. 601).

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» (ул. Советская, 6), с авторефератом – на сайте Министерства образования и науки РФ (<http://vak.ed.gov.ru>).

Автореферат разослан « ___ » _____ 2015 г.

Председатель
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

А. Л. Шарандин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Ф. М. Достоевский (1821-1881) и С. Н. Сергеев-Ценский (1875-1958) – фигуры неравнозначные. В отечественном и зарубежном литературоведении изучению творчества первого посвящено внушительное количество монографий, диссертаций, научных сборников, комментариев к произведениям, статей, библиографических указателей, приходящихся как на советскую, так и постсоветскую эпоху, рассматривающих наследие гения-словесника мирового масштаба в крайне неравномерном, пульсирующем откровенными противоположностями историческом контексте. Среди них – Н. С. Альтман, В. А. Свительский, И. Л. Волгин, А. Г. Гачева, А. С. Долинин, В. Н. Захаров, Т. А. Касаткина, В. Л. Комарович, Л. М. Розенблюм, Л. И. Сараскина, К. А. Степанян, В. А. Туниманов, Г. М. Фридлиндер, Г. К. Щенников и многие другие.

С. Н. Сергеев-Ценский изучен несравненно меньше. «Малость» обусловлена различными причинами политического, социального, идеологического характера. Одной из них является так называемая «потаённость». Известный в литературоведческой науке этот термин в случае с С. Н. Сергеевым-Ценским обоснован, в том числе и фальсификацией целого ряда фактов творческой и личной биографии Сергеева-Ценского по социально-политическим причинам, а также внутренней самоизоляции, «непубличностью» в силу различных обстоятельств, специфических особенностей характера. Проект «Потаённый Сергеев-Ценский» стал одним из поводов для открытия Лаборатории по изучению творческого наследия С. Н. Сергеева-Ценского в контексте русской литературы в Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина (2010). Направлениями деятельности ее явились восстановление, изучение и популяризация творчества писателя в аспекте исторической и теоретической поэтики, выявление глубинной семантики в контексте отечественной культуры, формирование самобытных поэтических закономерностей,

проходящих через единое культурно-аксиологическое пространство русской классической литературы, соотношение с писателями – современниками М. М. Пришвиным, И. А. Буниным, А. И. Куприным и многими другими.

Вне всяких сомнений остается тот факт, что вопросы, поднимаемые Достоевским и Сергеевым-Ценским в своем творчестве, и сейчас продолжают привлекать внимание исследователей, что подтверждает их вневременную актуальность, важность и глубину. Тем не менее, пока мало изысканий, посвященных взаимодействию творческих индивидуальностей художников, выявлению моментов сходства и различия в сфере их поэтик, духовно-культурных взглядов, соприкосновению их «личных пространств». О сравнении художественных индивидуальностей двух писателей контурно упоминалось в диссертации Ю. М. Шпрыгова «Творчество С. Н. Сергеева-Ценского 1898-1934 годов (Путь к социалистическому реализму)» (1967). Однако до 1990-х годов эти два имени все же достаточно сложно было поставить в один сравнительный исследовательский контекст.

В 1990-е годы они были вовлечены в единый аспект научных рассуждений, обозначенный как «духовно-культурная парадигма»¹.

Одновременно с интересом к теоретическим проблемам в современном литературоведении активизировались поиски обновленных научных подходов на примере творчества, в том числе и достаточно широко исследованных имен, называемых вариативно: «пасхальный архетип русской словесности», «духовный реализм» и т.д. (В. И. Захаров), «категория соборности» (И. А. Есаулов), «метафизика поэтики» (Е. В. Трофимов), «целостный духовно-культурный феномен» (Л. Е. Хворова) и ряд других.

¹См.: Л. Е. Хворова «Проза С. Н. Сергеева-Ценского 20-х – начала 30-х годов: мир художника, реальность бытия»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 Тамбов, 1995. 197 с.; «Эпопея С. Н. Сергеева-Ценского «Преображение России» в культурно-аксиологической парадигме русской литературы»: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М., 2000. 341 с.

Диссертация поднимает проблему функционирования конкретного мотива, которая до сих пор относительно мало разрабатывалась исследователями творчества Ф. М. Достоевского², а относительно С. Н. Сергеева-Ценского не рассматривалась вообще. Между тем, всестороннее изучение мотива Умиления, его репрезентации и трансформации в творческом наследии писателей способствует выявлению многих ключевых положений их поэтико-философских систем. Анализ понятий «Умиление», «Соборность» и «Благодать» в художественном пространстве Достоевского и Сергеева-Ценского помогает проследить мучительно трудный для них путь поиска «веры предков». Тяжелым он стал как для Достоевского, так и для Сергеева-Ценского. Начало творческого пути последнего пришлось на порубежный период – «серебряный век» – время блужданий, отречения практически от всего, что принято называть отечественной традицией, и время надежд на новое будущее, ясно не представляемое, пугающее, неизвестное. В это время Достоевский продолжал серьезно и многопланово изучаться.

Обращение к детским образам, образам семьи и материнства позволяет обнаружить причины деформации женского характера, «отпадения» женщины от семьи, трансформационного процесса «Умиление → не-умиление», которые видятся в утрате морально-нравственных ценностей, отходе от привычных духовных канонов жизни человека.

Конечно, поиски научных рассуждений можно вести и в ином русле, и даже прямо противоположном, однако это будет иной аспект, иной подход, а,

² См.: Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5: Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Вып. 2. 551 с. С. 5-31; Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Вып. 1. 387с. С. 5-11; Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Вып. 3. 511с. С. 5-20.

следовательно, иная концепция. И такие исследования активно велись, в частности, в советские времена учеными-достоеведами и ценковедами и велись весьма успешно.

Следует подчеркнуть, что в настоящей работе персоналии «Ф. М. Достоевский и С. Н. Сергеев-Ценский» имеют весьма важное, но, тем не менее, все же подчиненное значение. В соответствии с такой постановкой проблемы сформулировано заглавие работы, где выстроена иерархическая линия концептуально-аналитических рассуждений: проверка функционирования мотива с православно-христианским наполнением на материале произведений двух писателей в сложнейших историко-культурных реалиях эпохи «конца – начала». Необходимо также уточнить, что концепции далеко не всех авторов, работающих в данной системе координат, принимаются за основу. Так, в частности, труды М. М. Дунаева представляются нам более философско-богословскими, нежели собственно литературоведческими, и во многом субъективными. Хотя, следует признать, что в них содержится богатейший фактический материал, являющийся своеобразной «азбукой» для читателей и исследователей, не искушенных в понимании основ Православия. Напротив, концептуальным положениям В. Н. Захарова³ и его исследовательской школы, как базовой основе, отдается предпочтение.

Объект исследования – мотив Умиления и процесс его трансформации в творчестве двух крупных писателей конца XIX начала XX века.

В качестве **предмета исследования** избираются способы выражения, репрезентации и функционирования мотива Умиления и его трансформационного семантического компонента не-умиление в произведениях разных лет Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского.

³См.: Захаров В. Н. Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Петрозаводск, 1994. 460 с.

Актуальность диссертации определяется ее связью с ведущими направлениями современного литературоведения, включающими труды по проблемам «традиционности», текстологии, сравнительной типологии, анализа произведений отечественной словесности в контексте духовно-аксиологической парадигмы, в совмещении историко-литературного и теоретического векторов исследования.

Цель – изучение функционирования мотива Умиления, имеющего православно-христианские корни, и его трансформации на примере сопоставления художественных произведений, публицистики, а также эпистолярного наследия Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского разных лет.

Цель исследования определила постановку следующих **задач**:

- 1) рассмотреть генезис понятия «мотив» как концептуального в истории русской литературы, его развитие и интерпретацию;
- 2) изучить базисное понятие русской духовной традиции Умиление с точки зрения мотивного функционирования в пространстве русской словесности и творчестве Достоевского и Сергеева-Ценского;
- 3) определить векторы сравнения двух писателей, сходство и несходность их духовно-нравственных ориентиров, изучив критическую мысль серебряного века как литературно-психологического феномена «конца – начала» для одного и другого писателя;
- 4) выявить поэтико-философскую выраженность «репрезентантов» мотива Умиления – «сон», «явь», «смерть», «чудо», «преображение» в ракурсе духовно-культурной парадигмы;
- 5) изучить своеобразие художественного феномена «детешек с ручкой» (Ф. М. Достоевский), а также понятия «пойти в кусочки» (С. Н. Сергеев-Ценский), их воплощение в ткани повествования обоих писателей;

- б) обрисовать мир детского «благополучия» на материале прозы и публицистики Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского;
- 7) проследить и охарактеризовать процесс деградации от «семейства случайного», художественно воссозданного Ф. М. Достоевским, к «семейству обреченному», воплощенному в ткани произведений С. Н. Сергеева-Ценского, обратив особенное внимание на деформацию женского характера;
- 8) на материале творческого наследия Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского проследить трансформационную семантическую оппозицию «Умиление → «не-умиление», как следствие обесценивания в обыденной практике традиционных ценностно-ориентированных понятий отечественной словесности.

Теоретико-методологической базой исследования явились труды русских и зарубежных теоретиков литературы разных лет, в том числе и современных литературоведов, а также работы философов и представителей русской православной церкви: С. С. Аверинцева, Е. И. Анненковой, А. И. Белецкого, А. Л. Бема, Н. А. Бердяева, Н. В. Борисовой, В. В. Бычкова, С. Н. Булгакова, В. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, Б. М. Гаспарова, А. Дантеса, М. М. Дунаева, И. А. Есаулова, А. К. Жолковского, В. Н. Захарова, Т. А. Касаткиной, Г. В. Краснова, А. Кураева, Е. М. Мелетинского, И. М. Поповой, Л. В. Поляковой, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, И. В. Силантьева, Л. Е. Хворовой, П. Флоренского, Н. С. Цветовой, Ю. К. Щеглова и других.

В диссертации учтен опыт исследователей достоеведов, среди которых М. С. Альтман, С. Г. Бочаров, М. М. Бахтин, И. Л. Волгин, А. Г. Гачева, Л. П. Гросман, А. С. Долинин, В. Н. Захаров, Т. А. Касаткина, В. Л. Комарович, Ю. М. Лотман, К. В. Мочульский, В. А. Туниманов, И. Д. Якубович и другие, затрагивающие моральные, философские, религиозные, литературные, общественно-политические вопросы художественного наследия классика XIX века. Анализируются работы специалистов в области советского и

современного ценсковедения Е. А. Зверевой, Т. А. Краснослободцевой, А. С. Коржова, Н. М. Любимова, О. В. Нарбековой, Н. М. Немцовой, Н. А. Поддячей, Е. А. Прониной, П. И. Плукша, Е. П. Тырновецкой, Л. Е. Хворовой, В. П. Цыганника, Ю. М. Шпрыгова, в разных аспектах изучавших творчество писателя.

Учен опыт преподавателей кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», имеющих отношение к исследованию творчества как С. Н. Сергеева-Ценского, так и других писателей – его современников: Л. В. Поляковой, А. И. Иванова, Н. Ю. Желтовой, Н. В. Сорокиной и других.

Научная новизна диссертации заключается в том, что функционирование Умиления как мотива в контексте культурно-аксиологической парадигмы отечественной словесности, его трансформация и репрезентация, впервые рассматриваются на материале произведений Достоевского и Сергеева-Ценского.

Теоретическая значимость исследования. Умиление рассматривается в «статусе» мотива, а не категории⁴. Данная «статусность» расширяет круг бытования понятия, возможностей при анализе художественного произведения, позволяет выявить такие составляющие, как «ядро» и «периферия», вычленить мотив на макро- и микроуровне; возможность проследить способы реализации мотивно-образной структуры в творчестве Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского.

В рецепцию художественного мира вводится понятие «не-умиление» и семантическая оппозиция «Умиление – не-умиление», подтверждающая фактор «снижения» по отношению к базовому («Умиление») и его функционирования в целостном художественном пространстве обоих писателей.

⁴ См.: Захаров В. Н. Умиление как категория поэтики Достоевского // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Коллективная монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. 354 с. С. 163-185.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Понятие «Умиление» в творческом наследии Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского представляет собой семантически активную структуру, духовная образность которой связана с изображениями Богородицы с Младенцем, либо одной Богородицы, в православной иконографии именуемой «Умиление». Специфика функционирования Умиления в тексте художественного произведения – способность передвигаться по литературному пространству, присутствовать в самых различных формах, оказываться полуреализованным, являясь неполно и порой оставаясь загадочным, «позволять» герою проникать в свое пространство или, напротив, «выталкивать» его – дает основание утверждать за ним статус мотива.
2. Мотив Умиления в творчестве Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского реализуется, прежде всего, на уровне детской образности, богородичных мотивов, представлений о женщине-матери, генеалогически восходящих к прообразу Богородицы с младенцем Иисусом. Детскость понимается не как возрастная, а качественная категория, сохраняющаяся в человеческом характере до глубокой старости, определяющая степень его духовного совершенствования.
3. Радостопечалие является своеобразной духовно-эмоциональной вариацией Умиления. Возникновение и функционирование радостопечалия в ткани повествования не обязательно обусловлено присутствием иконографии Богородицы. Радостопечалие проявляет себя в условиях, когда душа человека, созерцая Божий мир, пребывает в молитвенном состоянии, вознося благодарность Создателю и одновременно очищаясь слезами.
4. «Пограничный вектор» серебряного века являет собой литературно-психологический феномен «конца – начала», в условиях которого по-новому осмысливается творчество Достоевского и происходит

духовное и творческое становление Сергеева-Ценского, впитавшего в себя религиозное наследие классика XIX столетия.

5. Понятия «явь», «сон», «смерть», «чудо», «преображение» в художественном пространстве Достоевского и Сергеева-Ценского выступают как «репрезентанты» мотива Умиления, тем самым определяя православно-христианскую основу творчества писателей.
6. Ф. М. Достоевского труднее принять на душевно-эмоциональном уровне, С. Н. Сергеева-Ценского – на образно-языковом. Чрезвычайный реализм, откровенность, обнаженность, сложность в изображении Достоевским мыслей, чувств и поступков своих героев воспринимается проще, нежели обилие средств художественной выразительности, их переплетение и взаимопроникновение в произведениях Сергеева-Ценского. За кажущейся на первый взгляд «простотой» метафор, эпитетов и олицетворений скрывается «сложность» в восприятии мысли, изобилующей языковыми красотами.
7. Перерождения мотива Умиления в не-умиление – одно из следствий деградации от «случайного семейства» Ф. М. Достоевского к семье «обреченной» С. Н. Сергеева-Ценского, которая, в свою очередь, явилась следствием разрушения основ православной семьи, нравственности, утратой женщиной материнского начала, способности быть хранительницей домашнего очага.
8. Понятие «пойти в кусочки» реализует себя на страницах повести С. Н. Сергеева-Ценского «Наклонная Елена». Оно является своеобразной художественной и идейной рецепцией феномена «детишек с ручкой», воплощенного Ф. М. Достоевским в образах маленьких героев. Данный аспект непосредственно связан с понятием о так называемом детском «благополучии», внутренне не несущим положительной коннотации, являющимся как бы полярным по отношению к своей звуковой наполненности.

В работе использованы теоретический с элементами описания, функциональный, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, текстологический, культурно-аксиологический, культурно-исторический **методы и подходы.**

Материалом исследования послужили художественная проза Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского, публицистическое и эпистолярное наследие писателей разных лет.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их использования в процессе дальнейшего достоевско- и ценсковедения, в подготовке справочных, библиографических пособий, при чтении спецкурсов и лекционных курсов по истории русской литературы XX века, литературному краеведению, сравнительному литературоведению и т.д.

Апробация: основные положения исследования изложены в публикации 18 статей, в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, 2 статьи в издании РИНЦ, в докладах на конференциях разных уровней: Общероссийская научная конференция «Державинские чтения» (г. Тамбов, 2011, 2012, 2013), Международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (г. Тамбов, 2011, 2013), Международная научно-практическая конференция «Экология языка и речи» (г. Тамбов, 2012), Международная заочная научная конференция «Человек и время в мировой литературе (к 90-летию со дня рождения Вольфганга Борхерта)» (г. Тамбов, 2012), Международная научно-практическая конференция молодых ученых (г. Москва, 2012), Международная научно-практическая конференция «Наука в информационном пространстве» (г. Днепропетровск, 2012), Международная заочная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы искусствоведения, филологии и культурологии» (г. Новосибирск, 2012), Первая международная научная конференция «Европейские прикладные науки: современные подходы в научных исследованиях» (г. Штутгартд, Германия, 2012).

Результаты исследования дважды получили государственную поддержку: ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., соглашение № 14.132.21.1053, проект «Поэтико-философская реализация мотивно-образной структуры как основа прецедентности: Ф. М. Достоевский и С. Н. Сергеев-Ценский»; РГНФ проект подготовки научно-популярных книг («СОВЕТСКИЙ НЕСОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ: мир семьи и проблема детства в творчестве С. Н. Сергеева-Ценского»), проект № 14-44-93016 (к).

Основные положения диссертации также неоднократно обсуждались на заседании кафедры истории русской литературы Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, на занятиях межвузовского научного семинара студентов и аспирантов «Русская литература XX века: взгляд из сегодня» при Международном научном центре изучения творческого наследия Е. И. Замятина в Тамбове.

Концептуальные основы исследования также неоднократно обсуждались в рамках Международного и межрегионального семинара-трансфера «Научные диалоги» (авторская идея проекта Л. Е. Хворовой), посвященных Ф. М. Достоевскому, М. А. Булгакову, Н. С. Лескову, М. Ю. Лермонтову, С. Н. Сергееву-Ценскому, М. М. Пришвину, И. А. Бунину и др., в Тамбове, Москве, Севастополе, Ельце (2012 – 2015).

Структура: работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 375 наименований. Общий объем работы – 220 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность исследования, научная новизна, формулируются цель и задачи диссертации, определяются её материал, объект и предмет, излагаются теоретико-методологическая база исследования, его теоретическая значимость и практическое значение, приводятся сведения об апробации основных результатов.

В главе 1 **«Умиление как прецедентный мотив в истории русской литературы: культурно-аксиологический статус»** представлено теоретическое обоснование работы. Мотив, Умиление и соборность рассматриваются как понятия базисные, формирующие общую концепцию диссертации.

Параграф первый **«Мотив как концептуальное понятие исследования: генезис, развитие, интерпретация»** посвящен вопросам становления и развития теории мотива в отечественной и зарубежной науке о литературе. На сегодняшний день принято выделять семантический (А. Л. Бем, А. Н. Веселовский, О. М. Фрейденберг), морфологический (В. Я. Пропп, Б. И. Ярхо), тематический (Б. В. Томашевский, В. Б. Шкловский), психологический (А. П. Скафтымов) и дихотомический (А. И. Белецкий, А. Дандес, Л. Парпулова, Б. Н. Путилов, Н. Д. Тamarченко) подходы в изучении мотива.

Семантический подход предполагает неразложимость мотива как простейшей семантической единицы повествования, семантический потенциал которой заключает в себе перерастание мотива в сюжет. Морфологический взгляд на мотив выделяет логическую конструкцию в противовес идее семантической целостности мотива, итогом чего является полное отрицание мотива в литературном контексте. Тематический подход акцентирует характерную связь между мотивом и темой повествования. Для представителей психологического подхода первостепенным являются целостность и неделимость мотива как принципиального момента психологического целого в тематике произведения. Дихотомическая позиция рассматривает мотив и как единицу художественного языка и как единицу художественной речи, объединяя, и обобщенное значение, и конкретную семантику понятия.

В рамках теории мотива нам близки позиции В. Е. Хализева и Л. Е. Хворовой. В их работах мотив приобретает принципиально иное наполнение. Мотив рассматривается как компонент произведений, наделенный

повышенной значимостью, семантической насыщенностью, располагающий своеобразным смысловым концентратом. По мнению ученых, мотив динамичен, не ограничен в формах своего проявления, и что, особенно важно, включает в себе свойства духовно-ценностного аксиологического порядка. Мотив может выступать либо как аспект отдельных произведений и их циклов, в качестве звена их построения, либо как достояние всего творчества и даже целых жанров, направлений, литературных эпох, всемирной литературы как таковой. Опора на вышеизложенные теоретические изыскания позволила сформулировать определение мотива Умиления. Мотив Умиления – семантически активная структура, способная создавать свое «сверхтекстовое пространство» (Л. Е. Хворова). Ядром мотива Умиления является собственно само понятие, развитием, или периферией, служат мотивы детства, детскости, материнства, которые в свою очередь, порождают новые мотивы, являющиеся уже репрезентативными в отношении головного мотива Умиления. Мотив Умиления – структура, располагающая макро- и микроуровнем, в совокупности своей несущих представления о нравственных, моральных и духовных качествах человека, оцениваемых в нашем случае в контексте православно-христианской традиции. Формы проявления мотива Умиления в литературном пространстве разнообразны: слово или сочетание слов, эпиграф, название глав, имена героев, топонимические указания, или его полное растворение в тексте художественного произведения, функционирование на уровне сверхтекста. Свойствами мотива назовем его подвижность, открытость (взаимодействие с другими мотивами, порождение новых), способность передвигаться по литературному пространству, способность создавать свое пространство, «принимая» или «выталкивая» из него героев, способность влиять на реципиента (читателя, зрителя, исследователя).

Параграф второй «Умиление и соборность как специфический базис русской духовной традиции и их отражение в пространстве отечественной словесности» развивает мысль о влиянии православной

иконы на развитие русской литературной традиции, для которой понятия «Умиление» и «соборность» стали опорными при формировании её самобытного характера.

В отечественной патристике Умиление (Елеуса – в переводе с греческого *милующая*) определяется как наиболее лиричный из всех типов иконографий. Иконографический сюжет чаще всего включает две фигуры – Богородицы и Младенца Христа, прильнувших друг к другу ликами. Голова Марии склонена к Сыну, а Он обнимает рукой Мать за шею. В этой трогательной композиции заключена глубокая богословская идея: здесь Богородица явлена не только как Мать, ласкающая Сына, но и как символ души, находящийся в близком общении с Богом. К иконам типа «Умиление» относятся: «Владимирская», «Волоколамская», «Донская», «Взыграние Младенца», «Млекопитательница» и другие, композиции которых отличаются друг от друга. Так, к примеру, допустимо изображение одной Богородицы в так называемой оплечной композиции.

Своеобразным вариантом Умиления является понятие радостопечалия. Оно интерпретируется как родственное Умилению, однако, не ассоциируется с определенным иконописным изображением. Радостопечалие – не зримое восприятие иконы, а, скорее, особое Божественное посещение человеческой души, наполняющее ее сокрушением и неизреченной любовью к Богу и Ближнему. Оно заключается в радостнотворном плаче человеческой души, осознающей свое недостойнство перед неограниченным Божественным милосердием и человеколюбием. Взаимодействие печали и радости порождает новое состояние: печаль и радость не сменяют друг друга, а сосуществуют в неразрывном единстве.

Архитектура, цвето-световое разрешение, пространственная организация иконы несут в себе одну из главных идей русского православия – идею соборности.

Соборность принято рассматривать как понятие русской духовности, русской философии, означающее свободное духовное единение людей, как в церковной жизни, так и в мирской общности, общение в братстве и любви.

Концепция соборности многосторонне развита в русской религиозно-философской мысли и литературоведческих работах особенно последнего десятилетия (В. В. Бычков, И. А. Есаулов, А. Ф. Лосев, С. С. Хоружий). Современные теоретические и исторические исследования восточной патристики (С. С. Аверинцев, Л. Я. Гуревич, А. П. Каждан и др.) способствовали формированию целостного видения православной антропологии и православной культуры. В этих работах раскрывается специфичность святоотеческого наследия, дается общегносеологическая оценка святоотеческих текстов. Для сторонников православных взглядов на соборность (С. Н. Булгаков, В. В. Ильин, В. Н. Лосский, Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский и др.) соборное единение в Духе в восточно-православной традиции выступает условием, при котором только и возможно постижение совершенства Божественной Троицы.

В отечественной философии серьезный и всесторонний анализ соборности был осуществлен философами школы «всеединства» (В. В. Соловьёв, С. Н. Трубецкой, Н. С. Бердяев, С. Л. Франк и др.), подытоживших воспринятое ими представление славянофилов в формуле: католицизм есть единство без свободы, протестантизм – свобода без единства, православие – единство в свободе и свобода в единстве.

Ф. М. Достоевский и С. Н. Сергеев-Ценский каждый в свое время писали о том, что русская словесность всегда несла в себе соборное начало, отрицая индивидуализм, который в основе своей был влиянием Запада на русскую культуру. Человек, равно как и народ в целом, по мнению писателей, может преобразиться, а значит измениться внутренне, лишь только став единым во множестве.

Очевидная связь между иконой, как священным изображением вообще, а в нашем случае с иконой типа «Умиление», может быть проявлена только с

учётом дифференцирования различия между «духовным» миром, «невидимым», «неосвязаемым», а, стало быть, священным и неприкосновенным для человеческого сознания, и словесностью – светским искусством. Поэтому человек (реципиент, читатель, исследователь) способен уловить её только на уровне так называемого «сверхсознания» (А. Мень) – не «подсознания», которое у каждого различно и зависит от степени творческой фантазии индивида, от степени его одухотворенности (не путать с чувственно-душевыми перипетиями). По нашему глубокому убеждению, «линейная» (назовем её так) проекция Божественных образов и атрибутики на созданное человеком (пусть даже талантом или гением) невозможно, как невозможно сделать, к примеру, литературным героем Христа, что вполне допустимо, скажем, в Западной культурной традиции (Э. Ренан «Жизнь Христа» (1863) и пр.). В духовно-культурной традиции православия есть понятия «можно» и «нельзя» без «светских вариантов» аргументации «почему»: нельзя – и все!

Глава 2 **«Ф. М. Достоевский и С. Н. Сергеев-Ценский о духовно-нравственных ориентирах»** посвящена вопросам духовного, нравственного, этического порядка в процессе творческого и личностного роста писателей.

В параграфе первом **«Писатели в оценке критической мысли серебряного века как «пограничного вектора» XIX и XX столетий: литературно-психологический феномен «конца – начала»** представлен анализ разноречивых оценок художественного наследия Ф. М. Достоевского и первые литературные опыты раннего С. Н. Сергеева-Ценского в порубежный период XIX-XX веков.

Ф. М. Достоевский стал художником, чье творческое наследие имело беспрецедентное по мощности влияние на духовную жизнь не только эпохи декаданса и всего XX века в целом, но и следующего за ним века XXI. Тем не менее, многие (но не все) культурные деятели порубежного периода подходили к образу Ф. М. Достоевского всё же несколько односторонне, что во многом не совпадало с истинным лицом художника. Литература

Серебряного века, восприняв апокалиптические предвидения Ф. М. Достоевского, придала им иной, катастрофический характер.

На период Серебряного века приходится начало пути С. Н. Сергеева-Ценского. Полифонизм и противоречивость литературного процесса рубежа веков впитала в себя поэтика писателя. «Полярное восприятие» писателя закрепилось за ним на долгие годы. Отчасти это тормозило поиск адекватной оценки его творчества, если еще принять во внимание сдвиг социальных и духовно-нравственных ориентиров, наступивший в результате кардинальной, абсолютной смены эпох. Разногласия в основном возникали относительно метода и стиля С. Н. Сергеева-Ценского. Одни считали его писателем-реалистом (А. Г. Горнфельд, В. А. Келдыш, Е. А. Колтоновская), другие – модернистом (Р. В. Иванов-Разумник), третьи – натуралистом (Эллис (Л. Л. Кобылинский)). Четвертые называли его лишь «подражателем творчества того или иного писателя» (В. В. Воровский). М. Горький, чуть ли не единственный в те годы, стал тем, кто по достоинству оценил талант писателя.

Серебряный век стал периодом духовного излома. Противостояние ницшеанского «Бог умер» и достоевского «Бог есть любовь» стало определяющим для всей последующей литературы, как отечественной, так и зарубежной.

С. Н. Сергеев-Ценский, принимая духовное наследие своего учителя, тем не менее, является художником глубоко самобытным. Влияние Достоевского на творчество Сергеева-Ценского читается уже в самых ранних его произведениях. Период серебряного века позволяет писателю создавать образы героев, склонных к размышлениям, самоанализу, познающих окружающий мир сквозь призму Божьих или откровенно небожественных заповедей. Сделать подобные выводы позволяет тот факт, что произведения Сергеева-Ценского этих лет печатаются практически без изменений, за исключением романа «Бабаев», одна из глав которого – «Бесстенное» – была полностью изъята цензурой.

Период личностного, художнического становления у С. Н. Сергеева-Ценского, становления его как писателя проходил во многом в ракурсе рецепции творчества Ф. М. Достоевского, а вот становление духовное пройдет мучительнее и сложнее, и этому во многом поспособствует уже принципиально иная эпоха трагических сломов, когда вопрос самоопределения в личностном плане будет во многом зависеть, каким путем пойдет Россия в целом, и будет ли она вообще. В свою очередь, самоопределение России, или ее так называемое «преображение» (С. Н. Сергеев-Ценский), органично сольется с самоопределением (преображением) отдельного человека.

В рецепции литературоведения конца XX и первой четверти XXI века, равно как и в период «конца – начала» столетий давности, эти два имени невольно, вполне объективно сближались своей схожестью и расходились многими деталями различия. Помимо личных симпатий молодого Сергеева-Ценского к «своему любимому учителю», словно бы «подталкивала» к сопоставлению и сама эпоха, обозначенная нами как «конец – начало». Это не просто некий рубеж, а некий «литературно-психологический феномен» (Л. Е. Хворова), когда актуализируется следующее: привычного уже нет и быть не может, нового еще нет и неизвестно, каким оно будет. Поэтому такие понятия, как «интерпретация творчества» (Ф. М. Достоевский) и «становление творческого пути» (С. Н. Сергеев-Ценский), были составляющими очень сложного феномена с перипетиями литературного и психологического наполнения.

Параграф второй **«Путь осмысления веры в контексте творческого и личностного самосовершенствования Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского. Пантеизм или радостопечалие?»** раскрывает процессы становления, понимания и восприятия веры, осложненные препятствиями идеологического, политического характера, а также личностными особенностями писателей.

Вопрос о вере был самым главным и мучительно выстраданным как в творчестве, так и в судьбе писателей. И того и другого каждого в свое время, критики называли «безбожниками», «богоборцами», «атеистами» и даже «социалистами», подчеркивая последним отрицание ими Бога как высшего начала.

Исследователи творчества Достоевского превращали его в апостола религиозного сознания (О. Н. Лосский), находили у писателя неистребимые сомнения в существовании Бога (Л. И. Шестов), оправдывали им величайший гуманизм (А. Ф. Лосев, К. Н. Леонтьев), объявляли художника прямым предтечей «нового искусства» – экзистенциализма (Н. А. Бердяев).

Абсолютно очевидно, что Ф. М. Достоевский *страдал* темой Бога. Особенно это становится осязаемым в периоды, непосредственно предшествующие совпадающие со временем написания им романа «Братья Карамазовы» (1880). Все вопросы, волновавшие писателя, потерявшего целостность, утратившего гармонию, находящегося в разладе с действительностью и самим собой, стягиваются к своему центру, фокусу – к идее еще более непосильной – к идее Бога.

Творческое наследие С. Н. Сергеева-Ценского и он сам оценивались критической мыслью различно. Сам писатель определял себя как художника, для творчества которого первостепенен «мирообмен» (С. Н. Сергеев-Ценский). В связи с этим в контексте данного исследования корректируется высказывание о писателе как о пантеисте (Ю. М. Шпрыгов). На примере ранних повестей «Лесная топь» (1905) и «Печаль полей» (1909) оформляется мысль о наличии в художественном мире С. Н. Сергеева-Ценского понятий «Умиление» и «радостопечалие», что в основе своей противоречит философии пантеизма. В «Лесной топи», в нашем контексте рассуждений, писатель предпринимает очевидную попытку развенчания ставки на пантеизм как некий жизненный идеал, «фундамент» мировосприятия. Отойдя от Бога, Антонина оказалась в состоянии духовной дезориентации; она не жила, а металась от дома к дому, от одного человека к другому, тоже

каждому по-своему находящемуся в состоянии духовной отчужденности. Повесть «Печаль полей» наполнена параллелями из сюжетов Священного Писания. А, казалось бы, второстепенный персонаж – разнорабочий Игнат – повторяет земной путь Иисуса Христа: Тайная вечеря, предательство Иудой за тридцать серебряников, путь на Голгофу, распятие.

Проведенный анализ эпистолярного наследия художника (имеются в виду письма 1910-1930-х гг., исследуемые Л. Е. Хворовой) показал, что практически каждое письмо включает в себе упоминание о Боге, различно себя выражающее: «ради Бога», «умиляющее», «душа», «преображение», «бог» и др. Сам писатель регулярно выделяет такие устойчивые сочетания, как «еже писах, писах» и «своя своих не познаша», которые восходят к евангельскому первоисточнику.

В параграфе третьем **«Достоевский и Сергеев-Ценский: о сходстве несходного. Явь, сон, смерть, чудо, преобразование как «репрезентанты» мотива Умиления»** представлен анализ точек соприкосновения и различий в писательской манере художников.

Понятия «явь», «сон», «смерть», «чудо», «преобразование» занимают особое место в художественном мире Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского. Отношение к ним писателей сформировано в русле православной аксиологии, а возникновение и функционирование их в ткани художественного произведения определяет духовно-нравственный облик героев.

Смерть видится писателями как переход, который, согласно православному вероучению, должен быть ожидаем человеком и принят со смирением. Художественным воплощением концепции смерти можно назвать описание Христовой ёлки в рассказе Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке», попадая на которую измученная детская душа обретает долгожданный покой. Соприкосновение героев со смертью в рассказе Достоевского «Столетняя» (1876) и поэме Сергеева-Ценского «Недра» (1912)

позволяет им прикоснуться к таинству ухода и измениться внутренне (преобразиться), испытав чувство умиления.

Понятие сна также погранично и тесно связано с понятием «дитя». В одной из глав повести Сергеева-Ценского «В грозу» писатель, измеряя высоту полета во сне, соотносит ее с возрастным критерием. Лишь ребенок достигает высоты полета птиц, а значит, является ближе всего к Богу. С возрастом человек летает ниже, все больше отдаляясь от Неба. У Достоевского сон – практически всегда откровение, пограничное состояние, выполняющее функцию проводника.

Описание чуда и как понятия, и как некоего свершившегося события, преображающего жизнь человека, представлено в одноименной повести С. Н. Сергеева-Ценского. Главный герой, дьякон Никандр, единственно уцелевший при крушении катера, увидел в этом событии чудо. Но действительное преображение его происходит в условиях физической несвободы. Посаженный в немецкую комендатуру за скандал в церкви он вдруг видит картину «Тайная вечеря», которую воспринимает как икону, молится со слезами (умиление) и благодарит Господа за прозрение. Дьякон обретает духовную свободу, а вместе с тем приходит осознание необходимости веры, которая должна спасти человека и Россию от гибели.

Тем не менее, Достоевский и Сергеев-Ценский художники разные. «Простота» Достоевского – его сложность. Откровения писателя, или, необычайный реализм изображаемого, возможно, просты для восприятия чисто головного, но порой невыносимы на уровне душевно-эмоциональном. Сложность в случае с Сергеевым-Ценским – кажущаяся на первый взгляд непринужденность, легкость повествования. Однако глубина мысли писателя, при внимательном прочтении, предстает насыщенной словесными образами, невольно утяжеляет их и делает довольно сложными для восприятия.

Сергеев-Ценский более закрыт и как художник, и как человек, в отличие от Достоевского. Дефицит информации о писателе обусловлен

многими моментами: особенностями характера, средой и окружением, воспитавших его (о чем практически отсутствует всякая информация); пережитым им в годы революции, гражданской и отечественной войн; бесконечным купированием текстов его произведений.

Глава третья **«Поэтико-философская реализация мотивно-образной структуры как основа прецедентности: мать, ребенок, семья»** посвящена вопросам художественно-философского воплощения мотива Умиления и его функционирования в ткани произведений Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского.

В параграфе первом **«Образ ребенка и тема детства в христологическом аспекте: от Умиления к не-умилению»** понятия «ребенок» и «детство» анализируются в русле восприятия их в православно-христианском идеале. Ребенок и детство рассматриваются как период в жизни человека, или как состояния, для которого неактуальна возрастная обусловленность.

В художественно-публицистическом наследии Достоевского и Сергеева-Ценского мотив Умиления представлен различно. Он обнаруживает себя через поэтико-философское наполнение портретных характеристик персонажей, через событийный фон, а также расшифровку психологического параллелизма. В контексте нашего исследования мотив Умиления допустимо назвать православно ориентированным ядром (центром), логическим развитием которого становятся мотивы детства, «детскости», применительно к персонажам, чей возраст не позволяет отнести их к детям, однако в которых при определенных жизненных обстоятельствах начинает проявлять себя «детское», как показатель душевной и духовной чистоты, незащитности (князь Мышкин, Аглая Епанчина у Достоевского; Петр Афанасьевич Невредимов, Наталья Львовна, Алексей Иванович Дивеев у С. Н. Сергеева-Ценского). Описание молодой женщины с ребенком на руках, впервые улыбнувшегося ей (Достоевский «Идиот») и картины Сыромолотова-младшего, изображающей бегство святого семейства в Египет

(Сергеев-Ценский «Обреченные на гибель» (1923, 1944)), являются аллюзийно направленными к сюжету иконы типа Умиления. Некоторые элементы иконичности можно наблюдать в образе маленькой Маруси, или Мушки (Сергеев-Ценский повесть «В грозу» (1922)). Умиление испытывает князь Мышкин, наблюдая за детьми (Достоевский «Идиот») и читатель, знакомясь с Сережей, мальчиком трех лет (Сергеев-Ценский стихотворение в прозе «Испуг» (1910)).

Художественной репрезентацией мотива не-умиления являются женские образы, созданные Сергеевым-Ценским: Антонина (поэма «Лесная топь») и Анна (поэма «Печаль полей»). Антонина не испытывает чувства умиления к своему ребенку, родившемуся с огромным багровым пятном на лице. Закрывает рукой его лицо при кормлении, что противоречит иконной композиции (икона «Млекопитательница»), а потом и вовсе убивает его, совершая богоотступничество. Чувство страха Анны за жизнь своего седьмого нерождённого ребенка (шестеро предыдущих рождались мертвыми) передается её мужу, который начинает сомневаться в необходимости его рождения.

Таким образом, мотив не-умиления в произведениях Сергеева-Ценского не позволяет реализоваться такому архетипу русского православия, как Богоматерь с младенцем. Итогом является физическая смерть детей, а вместе с ней духовная и душевная неудовлетворенность женщины, не реализовавшей мечту о материнстве.

Перерождение мотива Умиления в мотив не-умиления, по мнению диссертанта, является следствием процесса деградации: от «семейства совершенного» как идеала святой Руси, воплощенного в содержании православной иконы, через деградацию «случайного семейства» Ф. М. Достоевского к «семейству обреченному» Сергеева-Ценского, которая явилась результатом разрушения основ православной семьи, безверия, падения нравственности, жесткости и сложности психолого-философского периода «конца-начала».

В параграфе втором **«Своеобразие художественного феномена «детишек с ручкой» (Ф. М. Достоевский) и понятия «пойти в кусочки» (С. Н. Сергеев-Ценский)** изучаются особенности возникновения и функционирования данных понятий в художественном мире писателей.

Феномен «дети с ручкой» впервые обрел звучание на страницах «Дневника писателя» Достоевского, а точнее, в публицистической зарисовке «Мальчик с ручкой» (1876). «Ходить с ручкой» у Достоевского – термин, придуманный детьми. Означает он – просить милостыню. Словарная литература определяет милостыню, как подавание нищему, денег, пищи или вещи нуждающемуся (Брогкауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедический словарь в 82-ти т. и 4-х доп. т. М., 2011; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. М., 1978). Слово «милостыня» упоминается в книгах Нового завета. Анализ идеи милостыни и милосердия в контексте учения Иисуса Христа о милостыне позволяет сделать вывод, что милостыня – прежде всего понятие духовное. В связи с этим акцентируется «духовное» звучание понятия «мальчик с ручкой», рассматриваемое в контексте обращения малышей к Богу. Не случайным видится тот факт, что из сотен наименований нищих Ф. М. Достоевским выбрано именно «с ручкой», которое ассоциируется, прежде всего, *с процессом молитвы*, во время которого положение рук является одним из способов общения с Богом. Поэтому считаем возможным расширить семантику понятия «мальчик с ручкой» и отнести к нему персонажей, которые по существу не являются бродяжками, однако также нуждаются в милостыне, только духовного типа: любви, сострадании, милосердии, ласке (мальчики, собирающие милостыню, в романе «Бедные люди» (1845) и рассказе «Мальчик у Христа на Елке»; Аннета в повести «Неточка Незванова» (1849); девочка в рассказе «Сон смешного человека» (1877) и др.).

В творческом наследии С. Н. Сергеева-Ценского обнаружено понятие «пойти в кусочки». Оно реализовывается, прежде всего, на страницах романа «Наклонная Елена», где его употребление связано с появлением ребенка,

мальчика. «Пойти в кусочки» в какой-то степени является близким феномену «дети с ручкой» Ф. М. Достоевского, но в большей мере отличается от него. В художественном наследии отечественной словесности «пойти в кусочки» практически не встречается. Исключение составляет произведение А. Н. Энгельгардта «Из деревни: 12 писем (1872-1887)». В нем представлены основные различия «нищего» и «побирающегося кусочками». Нищий – специалист, просить милостыню его работа. «Побирающийся кусочками» – крестьянин, вынужденный делать это по причине неурожая.

В ткани романа «пойти в кусочки» приобретает иное, контекстное звучание. Доминантой является мысль о потере (смерть отца) и временной нетрудоспособности (тяжелая болезнь матери) кормильцев в семье шахтеров, что вынуждает детей просить милостыню. Встреча с таким ребенком изменяет отношение инженера Матийцева к жизни шахтеров, ранее не интересовавшей его. Она является катализатором душевных процессов. У героя возникает острая потребность в общении с матерью, сестрой. Он обращается к воспоминаниям о детстве. В романе представлены две точки зрения на сложившуюся ситуацию. Первая – инженера Матийцева, ежедневно сталкивающегося с тяжелой жизнью шахтеров и сочувствующего им. Вторая – главного инженера Безотчетова, равнодушного к жизни рабочих. Для Матийцева «пойти в кусочки» – трагедия семьи, необратимый процесс. Для Безотчетова – обыденное занятие, приносящее доход шахтерам. Достоевская идея преобразования человека через ребенка обретает свое нравственно-философское наполнение в художественной находке С. Н. Сергеева-Ценского и служит лакмусом при определении личностных качеств героев.

Параграф третий **«Семья – отживший институт»: регресс «обреченности»** раскрывает процесс распада основ православной семьи и утраты женщиной материнского начала.

Семейная тема одна из важных в творчестве писателей. Она на свое выражение в своеобразных авторских философиях: «случайного семейства» –

у Достоевского и «семьи обречённой» – у Сергеева-Ценского. История возникновения «случайного семейства» и его теоретическое обоснование Достоевский представил на страницах «Дневника писателя». Своей художественной кульминации оно достигло в романе «Братья Карамазовы». «Случайное семейство», по Достоевскому, это семья, в которой отцам нечего предложить своим детям в духовно-нравственном смысле. Писатель представляет физически неполные семьи и «неполные» семьи, главным критерием выделения которых является утрата или вовсе невозможность существования духовного родства между членами семьи. Это семьи Раскольниковых, Мармеладовых («Преступление и наказание»), Версиловых («Подросток»), Епанчиных, Иволгиных («Идиот»), Верховенских («Бесы»), Карамазовых («Братья Карамазовы»), Джунковских, Кронеберг («Дневник писателя») и др.

Формирование и развитие семейной темы у Сергеева-Ценского не являются однозначными и линейными. Зарождаясь еще в ранних произведениях, она достигает своего апогея в дилогии «Преображение России». Несмотря на положительную коннотацию названия, художественная манера воплощения писателем «мысли семейной» характеризуется регрессом, дефицитом роли женщины как матери и жены. Женские образы от произведения к произведению перестают быть семейнообразующими (стихотворение в прозе «Верю!» (1902), поэма «Лесная топь», рассказ «Устный счет» (1931) и др.). В «Преображении России» наблюдается явление семьи без женщины (Сыромолотовы, Иртышovy). Или же женщина вовсе лишается способности любить своих детей, что фактически сводит ее образ к нулевому показателю (семья доктора Худолея). В позиции Сергеева-Ценского видится идейное родство с Достоевским, изобразившем в своем последнем романе «Братья Карамазовы» семью без женщины.

В заключении подводятся итоги исследования.

Ф. М. Достоевский и С. Н. Сергеев-Ценский – художники самобытные, каждый из которых не повторим в своем творчестве.

Серебряный век стал периодом более глубокого осмысления творчества Ф. М. Достоевского и этапом становления С. Н. Сергеева-Ценского-художника.

Мотив Умиления в творческом наследии Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского представляет собой особую многоуровневую систему духовно-ценностного порядка, развитие, функционирование и репрезентация которой в тексте произведения определяет степень духовно-нравственного состояния героев. Мотив Умиления реализуется на уровнях детской образности, мотивах материнства, детства, детскости.

Причина возникновения трансформационно-семантической оппозиции «Умиление – не-умиление» – обесценивание женщины в роли матери. Понятие «пойти в кусочки» С. Н. Сергеева-Ценского является контекстуально-художественной вариацией феномена Ф. М. Достоевского «дети с ручкой». Движение «случайного семейства» (Ф. М. Достоевский) к «семье обреченной» (С. Н. Сергеев-Ценский), характеризующее понятие регресса, признается следствием разрушения православных основ семьи, утраты семейнообразующей роли женщины.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

*В изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки
Российской Федерации*

1.Иванникова (Шалыгина) С. Г. Понятие мотив и его интерпретация в теории литературы и музыке // Социально-экономические явления и процессы. – Тамбов, 2012. – № 1 (035). – С. 250-255. (0,3 п.л.).

2.Иванникова С. Г. Мотив Умиления и его репрезентация в творчестве Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского // Социально-

экономические явления и процессы. – Тамбов, 2012. – № 9. – С. 214-220. (0,4 п.л.).

3.Иванникова С. Г., Хворова Л. Е. Поэтико-философская выраженность художественных феноменов «детшки с ручкой» (Ф. М. Достоевский) и «пойти в кусочки» (С. Н. Сергеев-Ценский) // Социально-экономические явления и процессы. – Тамбов, 2013. – № 7. – С. 178-185. (0,5 п.л.).

4.Иванникова С. Г. «Семья – отживший институт»: регресс семейственности в творческом наследии Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского // Социально-экономические явления и процессы. – Тамбов, 2014. – № 4. – С. 139-145. (0,5 п.л.).

В других изданиях:

5. Иванникова (Шалыгина) С. Г. Мотив Умиления в произведениях Ф. М. Достоевского 1860-1880-х гг. (на примере прозы и публицистики) // Мат-лы XVI Общероссийской научной конференции «Державинские чтения». – Тамбов, 2011. – С. 28-34. (0,3 п.л.).

6. Иванникова (Шалыгина) С. Г. Философско-религиозная наполненность пейзажа в поэме С. Н. Сергеева-Ценского «Лесная топь» // Славянский мир: духовные традиции и словесность. Сб. мат-лов международной научной конференции: Вып. 2. – Тамбов, 2011. – С. 307-311. (0,2 п.л.).

7. Иванникова (Шалыгина) С. Г. Мир детского «благополучия» (?) в прозе и публицистике Ф. М. Достоевского // Сб. мат-лов Международной научной конференции молодых ученых. – Москва, 2011. – С. 361-366. (0,2 п.л.).

8. Иванникова (Шалыгина) С. Г. Слово о С. Н. Сергееве-Ценском // Экология языка и речи. Сб. мат-лов Международной научной конференции. – Тамбов, 2012. – С. 135-138. (0,1 п.л.).

9. Иванникова (Шалыгина) С. Г. Соборность и Умиление как специфический базис русской духовной традиции // Сб. мат-лов Международной заочной научной конференции «Человек и время в мировой литературе (к 90-летию со дня рождения Вольфганга Борхерта)». – Тамбов, 2012. – С. 148-151. (0,1 п.л.).

10. Иванникова (Шалыгина) С. Г. Этапы развития женского характера (на материале произведений И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, С. Н. Сергеева-Ценского) // Мат-лы Международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы искусствоведения, филологии и культурологии». – Новосибирск, 2012. – С. 105-112. (0,3 п.л.).

11. Иванникова (Шалыгина) С. Г. Изменения как константа жизни // Мат-лы VIII Международной научно-практической конференции «Наука в информационном пространстве». – Днепропетровск, 2012. – С. 34-44. (0,4 п.л.).

12. Ivannicova S. G. S. N. Sergeev-Tsensky and religion: pro et contra // European Applied Studies: modern approaches in scientific researches, 1st International scientific conference. ORT Publishing. Stuttgart. 2012. P. 32-35. (0,2 п.л.).

13. Иванникова С. Г. Специфика «детского вопроса» и проблемы его решения в творчестве Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского // Мат-лы XVII Общероссийской научной конференции «Державинские чтения». – Тамбов, 2013. – С. 30-34. (0,2 п.л.).

14. Иванникова С. Г. Ф. М. Достоевский и С. Н. Сергеев-Ценский: к вопросу о сближении этико-религиозных исканий художников // Мат-лы XVIII Общероссийской научной конференции «Державинские чтения». – Тамбов, 2013. – С. 40-47. (0,3 п.л.).

15. Иванникова С. Г. Пасха в русской литературе // Славянский мир: духовные традиции и словесность. Сб. мат-лов международной научной конференции: Вып. 4. – Тамбов, 2013. – С. 233-237. (0,2 п.л.).

16. Иванникова С. Г. Творчество С. Н. Сергеева-Ценского в зеркале критики XX века // Мат-лы Международного конгресса литературоведов:

Литературоведение на современном этапе. Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. К 130-летию со дня рождения Е. И. Замятина. – Тамбов, 2014. – С. 239-243. (0,2 п.л.).

17. Иванникова С. Г., Хворова Л. Е. «Никогда я не был пантеистом...»: о Боге, человеке и природе в поэтико-философском пространстве повестей С. Н. Сергеева-Ценского «Лесная топь» и «Печаль полей» // Филологическая регионалистика. – Тамбов, 2015. – № 1-2. – С. 38-43. (0,3 п.л.).

18. Иванникова С. Г. Ф. М. Достоевский и С. Н. Сергеев-Ценский: о сходстве несходного // Филологическая регионалистика. – Тамбов, 2015. – № 1-2. – С. 44-49. (0,3 п.л.).